

Сегодня. — 1994. — 4 окт. — с. 15.

С любимым камнем на шее

К портрету Екатерины Васильевой

Ольга Горгома

Екатерина Васильева — актриса, у которой нет светского имиджа. Екатерине Сергеевне, кажется, не введомо профессиональная забота быть на виду, само ее появление вне образа уже напряженно, непривычно. Она слишком критична в отношении ремесла, чтобы идти на поводу у его житейских условностей.

Способность ловить кайф от игры и навязчивое желание оставить сцену — только ли необходимое противоречие, продлевающее творческую жизнь? Или же известная склонность к мученичеству и покаянию, дабы не впасть в ничтожество благополучия? Творчество между утверждением и отрицанием, с заведомой невозможностью окончательного выбора, превращает каждую роль в очередной акт внутренней драмы, развязка которой непредсказуема. Даже отсутствие у Васильевой сценического амплуа является не знаком ее актерской универсальности, но проявлением характера бытия в театре, когда личностное и профессиональное не могут обрести желаемой гармонии.

Актрисе не свойственна спокойная отшлифованность игры, когда можно немного полюбоваться собой. Между ней и персонажем нет раз и навсегда определенной дистанции, и чем больше человеческого требует роль, тем сложнее технически, тем мучительней для актрисы условность сцены. Форма самовыражения оборачивается западней, из которой невозможно освободиться, не

разрушив жизненно важную среды. Тоска этой несвободы — неизменный рефрен ее игры, придающий почти каждой роли индивидуальный драматизм, как бы в параллель общему действию.

В характерности, ломаности гротеска с их жанровой определенностью и человеческой неприязнательностью Васильевой спокойно и безболезненно. Предельная отстраненность и незаинтересованность в персонаже дает возможность ощутить игру как что-то реальное само по себе, полностью сконцентрироваться. Чем Васильева сосредоточенней, отчужденней, даже мрачней, тем свободней и органичней.

Пространство реалистической драмы для нее глухо и стерильно. Главное остается обидно, оскорбительно недоступным: мгновения эмоциональной открытости — «от зева до чрева — продольным разрезом», — возвращающие актрису чувство собственной подлинности, — единственное оправдание ремеслу. Все остальное — обвинить, обличить, развенчать, даже в своей правоте не находя для себя ответа и решения.

Играть с наслаждением и покаянием: возможно, этого Васильевой не доставало всегда. Роль в «Орестее» удивила открытостью актрисы отвлеченно трагическому. Но, кажется, никто из ее персонажей не был столь близок, столь сопричастен жизни, как Клитемнестра: живущая, а не судящая о жизни, выбирающая свою судьбу и принимающая ее финал. Никаких полутонов жизненной правды, лирической, интригующей смены настроений, диссонансных аккордов, множась планов — прямая, безот-

четная соотносительность побуждения и поступка при первородной неделимости души. Ненависть, страх, любовь, ревность, иступленная решительность — нет границ, все едино и одинаково гибельно, — парализующая волю стихия страсти, бездна, пугающая своей непросветленностью. Множащийся призрак человеческого «я» сливается в неутолимой жажде схватки — рождении в смерть.

Трудно представить, что таких ролей может быть две и больше. Нет необходимого механизма самосохранения, чтобы «остраниться», и потому — неизбежность полного погружения, безоглядного, сквозь мистический страх очнуться соучастницей греха.

Художественная значимость исполнения Васильевой тускнеет в истовом прорыве, когда само представление о сценической игре теряет привычные очертания, когда вступают в силу законы духовного синкретизма. Тогда художественность уже не самоценна: лишь гипнотический инструмент, выводящий из бесчувствия рефлексий, когда сон трезвее яви. Как просто и очевидно: дело не в издержках профессии. Профессия — это не судьба, а биография. Судьбу ты несешь в себе, и она только в твоей воле. В этом весь ужас жизни. Тогда и хочется Бога.